
УДК 321: 316.4

UDC

DOI: 10.17223/18572685/58/17

РОССИЯ В УСЛОВИЯХ ПОВОРОТА К СЕТЕВОМУ ОБЩЕСТВУ: НОВЫЙ ГЛОБАЛЬНЫЙ ВЫЗОВ ЗА ПРЕДЕЛАМИ СОВРЕМЕННОСТИ*

А.И. Щербинин

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: shai52@mail.ru

SPIN-код 6663-7914

Авторское резюме

В статье показано, как теоретические оценки глобальных вызовов, попав на почву революционных изменений в России 1990-х – начала 2000-х гг., были проигнорированы властвовавшей элитой. Обращаясь к таким эпифеноменам «политики за пределами современности», как *постправда*, *популизм* и др., автор предпринял попытку связать их с изменением морфологии общества, его деинституционализацией, перемещением центров политики с национального на локальный уровень и в этом плане возрастанием роли городов как субъектов реальной политики нового типа.

Ключевые слова: Россия, институты, сетевое общество, глобальный вызов, политика, постсовременность.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ, проект «Политическая социализация молодежи в университетских городах» № 19-011-31231.

RUSSIA IN THE TURN TO A NETWORK SOCIETY: NEW GLOBAL CHALLENGE BEYOND MODERNITY*

A.I. Shcherbinin

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

E-mail: shai52@mail.ru

Abstract

The research demonstrates how the theoretical assessments of global challenges, having fallen on the ground of revolutionary fluctuations in Russia in the 1990s and early 2000s, were ignored by the ruling elite. The author turns to such epiphenomena of “politics beyond modernity” as *post-truth*, *populism*, and others, to connect them with a changed morphology of society, its deinstitutionalization, the shift of political centres from the national to the local level and an increasing role of cities as subjects of new realistic policy.

Keywords: Russia, institutions, network society, global challenge, politics, postmodernity.

Актуальность обращения к проблеме глобального поворота к сетевому обществу связана, прежде всего, со стремлением разобраться в социально-политической природе процессов, которые детерминируют реальное состояние и перспективы России как великой державы славянского мира. Оказывается, быть великой не значит оставаться лидером. Только последний год ознаменовался крупнейшим за обозримую историю расколом в культурной опоре России – православной церкви, переговорами без участия РФ по проблемам Северных Балкан, расширением Североатлантического альянса за счет славянских стран, затяжным конфликтом и нестабильными отношениями с ближайшими соседями-славянами. К экономической стагнации добавим и крупнейшие с 2012 г. московские протесты лета – осени 2019 г. Причина такой ситуации не только и не столько в «происках врагов» (хотя их не следует сбрасывать со счетов), сколько во внутренней неадекватной реакции на изменения, происходящие

*This paper is supported by the RFBR and ANO EISI, Project Nr. 19-011-31231 “Political Socialization of Youth in University Cities”. Nr. 19-011-31231.

в мире. Впрочем, Россия не является исключением: большинство стран и наднациональных образований сегодня подвержены более или менее чувствительным стрессам, которые по-прежнему пытаются объяснить, в т. ч. и теоретически, как разовые и случайные, а значит, поправимые с помощью силового воздействия или частичных уступок. В исследовании мы используем конструктивистский подход, дополненный интерпретацией теорий в контексте практических изменений российской политической реальности на протяжении трех десятилетий.

Сегодня, в условиях глобального увлечения риторикой сетевого общества, а также зафиксированности на эпифеноменах последнего, таких, как *популизм и постдемократия, постправда и постполитика*, стоит напомнить, что теории-сигналы об изменениях и теории, поставившие проблему глобальных общественных изменений, были презентованы в России тридцать лет назад. В теориях-сигналах стоит отметить постановку проблем Ульрихом Бекком, задавшимся вопросом, почему современность стала перманентным конфликтом [2]; Э. Валлерстайном о «конце знакомого мира» [3]; Ф. Фукуямой о «конце истории и последнем человеке» и о лимите традиционных идеологий [12]. С той или иной степенью глубины эти работы рассматривали нетипичные изменения, находящиеся на обочине социальных процессов. Ответ не замедлил себя ждать: с разных методологических позиций и в разных интерпретационных системах появляются работы Баумана, Инглхарта, Кастельса, Моисеева и др. Отметим, что эти труды были достаточно известны отечественному читателю. Уточняя авторскую позицию, обозначенную в заголовке данной статьи, посвященной повороту к *сетевому обществу*, отметим важность комплексной оценки ключевых теорий социальных изменений, рассматривающих этот феномен под разными углами зрения. Сразу оговоримся относительно исторического контекста, в котором в этой статье рассматриваются эти теории, поскольку сегодня технологические и социальные изменения намного превзошли прогнозы. Отметим и то, что данные теории-объяснения были прагматичнее и инструментальнее, нежели метафора постиндустриального общества Д. Белла или философские рассуждения касательно постмодерна Ж. Бодрийяра, Ф. Лиотара и др. Тем не менее и эти последние пополнили дискурс социальных теорий, задавая общую тему для рефлексии характера социальных изменений.

Итак, 1991 г. в «Ежегоднике» Высших социологических курсов Института молодежи была опубликована статья Зигмунта Баумана «Социологическая теория постсовременности», где были описаны основы принципиально новой социальности, новой политики и но-

вой этики в условиях постмодерна [1]. Но ее появление совпало с Форосом, ГКЧП и последующим распадом страны. В 1993 г. в журнале «Полис» вышла статья академика Н.Н. Моисеева «Информационное общество: новые возможности и реальность», в которой констатировалась нерентабельность национальной экономики, основанной на добыче и торговле углеводородами [8]. Он писал уже тогда: «Передовые позиции начинают занимать те государства, которые способны выдвигать и реализовывать новые научные и технические идеи, создавать качественно новый и совершенный промышленный продукт, обеспечивать для него рынок, прежде всего, внутренний рынок». И Н.Н. Моисеев обращается к правительству: «Развитие прецизионных технологий, основанных на информатизации и культуре труда, – наш единственный шанс не сорваться в трущобы третьего мира. Повторю еще раз. Единственный наш шанс: опереться на главный природный ресурс – интеллект и образованность народа и заставить правительство всеми силами поддерживать такую ориентацию. Нет проблемы более важной, чем образование и воспитание народа, формирование мастера, даже в условиях кризиса экономики» [8: 7–8]. Но у нас в 1993 г. правительство возглавлял В.С. Черномырдин, чьи интересы были направлены в совершенно другую сферу, а президент Б.Н. Ельцин был занят войной (не метафорической) с парламентом и перекройкой политической структуры в условиях кризиса.

В 2000 г. в журнале «Мир России» вышла статья М. Кастельса и Э. Киселевой «Россия и сетевое общество», в которой аргументированно обозначен свершившийся поворот к новой эпохе [5]. Авторы не сомневались, что и Россия делает поворот от индустриального к сетевому обществу, но были озадачены вопросом: какого типа сетевое общество возникнет в ней в условиях двойной трансформации – научно-технологической и социальной. Относительно второй – трансформации от этатизма к капитализму – у них не было иллюзий. Они не приукрашивали карикатурный российский капитализм и не скрывали цену, которую страна заплатила за это. С одной стороны, «продолжительность жизни мужчин в РФ сократилась с 65 лет в 1987 г. до 58,3 в 1995 г.» (беспрецедентное падение). Согласно данным Всемирного банка, Россия по продолжительности жизни заняла в 1995 г. 136-е место из 188. Вдобавок, «рождаемость в России сократилась с 2,2 в 1987 г. до 1,4 в 1995 г. Из-за смертности и падения рождаемости население России сокращается, теряя 160 тыс. чел. в год, и если эти тенденции сохранятся, то к 2020 г. россиян будет менее 135 млн» [5: 40–41]. Сверяя прогноз авторов относительно численности населения с актуальными данными Росстата, мы видим, что они ошиблись на 11 млн чел. И это лишь малая часть цены перехода.

С другой стороны, в статье показан чудовищный бюджетный коллапс, переход на бартер в расчетах с работниками и партнерами, долги и своему населению, и западным кредиторам, отмечалось, что посредниками в займовых операциях и выстраивании олигархической экономики были «молодые авантюристы». Сам процесс обустройства новой экономики М. Кастельс и Э. Киселева назвали «варварское накопление». Т. е. фиксируется то, о чем предупреждал Н.Н. Моисеев: страна оказалась отброшенной в лагерь «третьего мира». Самое время бы присмотреться к такой оценке, дать основу для стратегии России. Но в то время у нас, переживших дефолт, чехарду премьер-министров, уход в отставку Ельцина, блеснула надежда на оздоровление общества, связанная с новым президентом. В архаическом обществе и коллективные представления типичны. У скандинавов Средневековья хронологический век мерялся жизнью правителя, а для нашей культуры политическая смерть равна физической, поэтому чаянья «нового века», совпавшего с миллениумом, надежды на улучшения жизни были вполне объяснимы. Не будем писать о том, насколько был «скорректирован» курс и каковы результаты этого, поскольку задача статьи – показать глобальные вызовы, в т. ч. сигналы об их наступлении.

Очевидно, что в силу различных предпосылок, среди которых нами выделены были преимущественно политические, Россия упустила важные сигналы о том, что мир меняется в глобальном масштабе. Каковы же эти главные изменения и новые главные вызовы?

Пришедшая на смену модерну новая эпоха завершила превращение маловостребованных институтов (о чем детально писал Р. Инглхарт [4] в связи с осмыслением перехода от ценностей модерна к постмодерну) в некий сонм богов, обращение к которым держалось на традиции и схеме элементарных знаний, сильно приправленных верой в их необходимость. «Институты покоятся в просторных мавзолеях», – писали К.А. Нордстрем и Й. Риддерстрале, при этом парадоксально ожидавшие, что институты «должны меняться» [9: 85–86]. В числе таких закрепленных традицией абстракций оказались институт капитализма, семья и брак, классы и партии. Одним из последних свои позиции сдало государство, о чем писали Бауман [1: 39–40], Кастельс и Киселева [5: 24–25]. И все же в главном вопросе эти авторы существенно расходятся. Для Кастельса и Киселевой сетевое общество – ранний, становящийся этап, аналогичный первоначальному индустриализму с его еще не окостеневшими нормами и институтами, где «быть верующим значит творить веру» [5: 25]. Следовательно, сеть должна превратиться в структуру. Для Баумана постсовременное общество – это совершенно иной тип общества,

даже не «общества», а «социальности»: «Я предлагаю, чтобы термины "социальность" (sociality), "среда" (habitat), "самоконструирование" и "самособирание" стали центральными в социологической теории постсовременности. Они должны занять место, которое ортодоксальная современная социальная теория зарезервировала для таких категорий, как "общество", "нормативная группа" (например, класс или община), "социализация" или "контроль» [1: 33]. В любом случае подвижность, нестабильность общественных отношений, смена авторитетов, перекомпоновка жизненных планов – те черты, которые проявляются в настоящее время. Надо отметить, что Бауман, по крайней мере, настаивал на том, что политика в постсовременности не исчезает. Более того, она из эпифеномена социальности в обществе, жестко привязанного к национальному государству в эпоху модерна, превращается в повседневную деятельность народа и органично вписывается в динамичную общественную жизнь постсовременности с ее ставшими еще многообразнее конфликтами, протестами, оперативным принятием решений и т. п.

Филип Кук указывал, что наряду с материальными причинами таких перемен следует учитывать и культурные (идейные), «возникающие при ниспровержении старого порядка». В социальном плане перемены приводят к «переформатированию»: высвобождение рабочей силы структурирует трудовые ресурсы общества по модели «песочных часов» – расширяющийся класс служащих, сужающийся класс рабочих и расширяющийся низший класс безработных, полужанятых и т. п. Это вполне подходит под общую тенденцию казуализации (случайности) производственных отношений, где гибкость и сверхэксплуатация являются спутниками труда беднейших слоев населения [7]. Дэвид Б. Кларк отмечает, что постмодерн делает нестабильность постоянной. Новая социальная структура (по Кларку, классы не исчезают, они разрастаются вдоль новых осей, мы бы сказали, по линиям сети), постепенно обретает свою, отличную от классических образцов и сконструированных партийных идеалов, идеологию и свои формы протеста [6]. И в этом плане, на наш взгляд, все большую роль начинают играть сети, не только как направления смены морфологии класса, но и как альтернатива структуре.

Итак, в координатах «социальности» как внеинституционального агрегатного состояния общества, нестабильности, сетевого принципа объединения порождаются новые отношения. Строго говоря, сама структура, не терпящая амбивалентности, репрезентирующая собой силу порядка в высшем понимании данного слова, уходит вместе с индустриальной эпохой. Структура как гарантия долгосрочности, перспективы относительной стабильности не вписывается в жизнь

сегодняшнего дня. Напротив, воцаряются «постоянные чувства недовольства, аномии, беспокойства и отчуждения» [11: 41]. А вслед за ними приходят непонимание ценности своего труда, боязнь долговременных задач и обязательств [11: 45], ослабление связи между поколениями и сверстниками [11: 46]. Не подкрепленная долговременными социальными связями и передаваемым из поколения в поколение опытом сводится на нет социальная память. Самое время нам использовать расхожий аргумент о том, что вся информация есть в Интернете, и дальше писать именно о социальных сетях в нём, но Гай Стэндинг отмечает, что Интернет не компенсирует этой утраты социальной памяти – того, куда человек возвращается из «сегодня», как Мировая паутина не способствует образованности и формированию индивидуальности. И поэтому сознание, подвергаемое бомбардировке адреналиновых всплесков, теряет важную способность увязывать прошлое, настоящее и воображаемое будущее [11: 40].

Особое внимание все указанные выше авторы уделяли городам, но последние выполняли в их работах (за исключением Кука и Кларка) скорее функцию «сцены» для описываемых изменений. И только с массовыми терактами и превращением популизма в повсеместное и повседневное явление на город стали не просто обращать внимание: сегодня целый ряд исследователей уже признает за ним роль одного из ключевых акторов новой политики. Так, в 2018 г. по проекту «PODESTA» (аббревиатура составлена из первых двух букв слов *POpulismus, DEmokratie, STAdt*) исследовательский коллектив из Восточной Германии опубликовал рабочие тетради под названием «Городской популизм: потенциальная опасность» [14]. Именно города и становятся местами кризиса демократии, и в то же время сохраняют потенциал проектных лабораторий правового регулирования. Именно в них сгущается популизм, и в социальном организме образуются популистские разрывы. И авторы рабочих тетрадей презентуют правомерную постановку исследовательской задачи: почему отдельные политические акторы (социально экс- или инклюзивно) обратились к популистским взглядам?

На наш взгляд, такая постановка проблемы и работа по ее решению очень важны для эмпирического подтверждения своеобразия внутри общей тенденции для городов постиндустриальной эпохи. Одновременно с подобными попытками существуют достаточно убедительные теоретические объяснения новых явлений, таких, как выступления народа (горожан) против нынешней модели представительной (либеральной) демократии. Но в большей степени, по нашему мнению, заслуживают внимания идеи возвращения городу политической субъектности. Так, К. Навратек, автор монографии

«Город как политическая идея», исходит уже из созвучных нашей концепции перемен, когда корпорации получают не просто большие, но исключительные права по сравнению с горожанами. У Кларка это образ защищенной «башни» [6].

В условиях миграции населения ситуация осложняется исключением из политики горожан, которые на уровне «пользователя» благами (образование, медицина, безопасность, пособия и т. п.) уже являются гражданами-потребителями, но не обладают политическими правами на национальном уровне. Однако, заявляет Навратек, это не значит, что они автоматически исключены из локальной, городской политики. И здесь мы вновь находим иллюстрацию поднятой нами проблемы о противоречиях между институциональным и постиндустриальным подходами. Речь идет об одном из доминирующих направлений в градостроительной политике – Новом урбанизме. Навратек утверждает: «Новый урбанизм основан на неправильной устаревшей идее сообщества. Он отвергает не только полиэтничное многообразие... но и игнорирует тот факт, что люди приходят и уходят, у нас огромное количество пользователей городов – таких, как студенты, туристы, иммигранты – непостоянные жители. Городские пространства – это редко места, где люди живут годами. Современное городское общество не вписывается в модель Нового урбанизма, которая считает гражданство очень стабильным с постоянными культурными связями. Наивность не для мира, каким он сейчас является» [13].

На фоне этих глобальных перемен особенностью вхождения России в постсовременность явилась коренная ломка социального строя, когда вера (привычка) в одни устои и, казалось бы, незыблемые институты не была подкреплена личными (и особенно общественными) целями новой реальности. Стало очевидным, что государство превратилось в одну из заинтересованных и самых привилегированных сторон в приватизации, свертывании социальных программ. И в этой обстановке отметим ценностно-социальный откат к архаике, являющейся для российской политической культуры своего рода матрицей, так и неразрушенной советским вариантом индустриализма. Казалось бы, полярное противостояние архаики и постмодерна парадоксальным образом уживается, создавая новые возможности и нагромождая новые риски. Войдя в эпоху постмодерна, Россия столкнулась с иными механизмами стратификации и новым характером социальных отношений, во многом переконструировав нарушенные радикальными реформационными процессами привычные социально-экономические связи.

Завершая, хочется сказать, что российская элита гонится за модными теориями (даже не теориями, а за словами – наша часть научного

сообщества не богата на продвижение теорий). Сегодня у нас слабо обстоит дело с теоретико-методологической или, грубее, с теоретико-идейной проработкой вопроса. Может, еще и поэтому мы упустили теории-сигналы и практически одновременно с ними теории-объяснения? Именно они свидетельствовали о том, что морфология мира кардинально поменялась. Выведа индустриальное производство за пределы ойкумены «золотого миллиарда», финансово-промышленный капитал уничтожил индустриальную основу старого миропорядка с его системностью, стабильностью, институциональностью. То, что было начато вторым и третьим мирами, довершит искусственный интеллект. Вместо мира-системы – мир-сеть, где уже давно идет игра по новым правилам в обход старых законов. У мира-сети нет политического центра принятия решений, любой узел сети может инициировать новации. У сети, в отличие от системы, нет установленных границ. Ее характерной чертой является приращение. Сетевая картина далека от благополучия или искусственной возбужденности в системной картине. И даже если государство обживаетея в этом мире-сети [10], оно предпочитает сохранять свою институциональную природу в отношении общества, являющегося главным донором привычного государственной связи *господства-подчинения*. Поэтому конфликты иного порядка, целью которых будет государство-институт, гарантированы на ближайший обозримый период.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бауман З. Социологическая теория постсовременности // Социологические очерки. Ежегодник. М.: Институт молодежи, 1991. Вып. 1. С. 28–48.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
3. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: социология XXI века. М.: Логос, 2004. 368 с.
4. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // ПОЛИС. Политические исследования. 1997. № 4. С. 6–32.
5. Кастельс М., Киселева Э. Россия и сетевое общество. Аналитическое исследование // Мир России. 2000. № 1. С. 23–51.
6. Кларк Д.Б. Потребление и город, современность и постсовременность // Логос. 2002. № 3–4. URL: <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/klark.html> (дата обращения: 5.09.2019).
7. Кук Ф. Модерн, постмодерн и город // Логос. 2002. № 3–4. URL: <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/kuk.html> (дата обращения: 5.09.2019).
8. Моисеев Н.Н. Информационное общество: возможности и реальность // ПОЛИС. Политические исследования. 1993. № 3. С. 6–14.
9. Нордстрем К.А., Ридерстралле Й. Бизнес в стиле фанк. Капитал пляшет

под дудку таланта. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2002. 287 с.

10. Соловьев А.И. Политическое «разрушение» государственности, или «Ноев ковчег» постсовременности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 50. С. 200–209.

11. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.

12. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ Ермак, 2005. 588 с.

13. City as a political idea: An interview with Krzysztof Nawratek. URL: The New Metropolitan.html (дата обращения: 14.08.2019).

14. Urbaner populismus? Das Gefahrenpotential der Stadtentwicklung, Aug. 2018. URL: <http://www.podesta-projekt.de> (дата обращения: 4.10.2019).

REFERENCES

1. Bauman, S. (1991) Sociologicheskaya teoriya postsovremennosti [Sociological theory of postmodernity]. *Sociologicheskie ocherki*. 1. pp. 28–48.

2. Beck, U. (2000) *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modern* [Risk Society. On the way to another Art Nouveau]. Translated from German. Moscow: Progress-Traditsiya.

3. Wallerstein, I. (2004) *Konets znakomogo mira: sotsiologiya XXI veka* [The End of the Familiar World. Sociology of the 21st century]. Translated from German. Moscow: Logo.

4. Inglehart, R. (1997) Postmodern: menyayushchiesya cennosti i izmenyayushchiesya obshchestva [Postmodern: changing values and changing societies]. *POLIS. Politicheskije issledovaniya – Polis. Political Studies*. 1997. Nr. 4. pp. 6-32.

5. Castells, M. & Kiseleva, E. (2000) Russia and the network society. Analytical research. *Mir Rossii – Universe of Russia*. 1. pp. 23–51 (in Russian).

6. Clarke, J.B. (2002) Potreblenie i gorod, sovremennost' i postsovremennost' [Consumption and the city, modernity and postmodernity]. *Logos*. 3-4. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/klark.html> (Accessed: 5th September 2019).

7. Cook, F. (2002) Modern, postmodern i gorod [Modern, postmodern and the city]. *Logos*. 3-4. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/kuk.html> (Accessed: 5th September 2019).

8. Moiseev, N.N. (1993) Informatsionnoe obshchestvo: vozmozhnosti i real'nost' [Information Society: Opportunities and Reality]. *POLIS. Politicheskije issledovaniya – Polis. Political Studies*. 3. pp. 6–14.

9. Nordstrom, K.A. & Ryderstralle, J. (2002) *Biznes v stile fank. Kapital plyashet pod dudku talanta* [Funky Business: Talent Makes Capital Dance]. Translated from English. St. Petersburg: Stockholm School of Economics in St. Petersburg.

10. Solovyev, A.I. (2019) The Political “Destruction” of Statehood, or The “Noah’s Ark” of Postmodernity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo univer-*

siteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 50. pp. 200–209 (in Russian). DOI: 10.17223/1998863X/50/17

11. Standing, G. (2014) *Prekariat: novyy opasnyy klass* [The Precariat: The New Dangerous Class]. Translated from English. Moscow: Ad Marginem Press.

12. Fukuyama, F. (2005) *Konets istorii i posledniy chelovek* [The End of History and the Last Man]. Translated from English by M.B. Levin. Moscow: AST Ermak.

13. Nawratek, K. (n.d.) *City as a political idea: An interview witch Krzysztof Nawratek*. [Online] Available from: [The New Metropolitan.html](http://TheNewMetropolitan.html) (Accessed: 14th August 2019).

14. Germany. (2018) *Urbaner populismus? Das Gefahrenpotential der Stadtd-entwicklung, Aug. 2018*. [Online] Available from: <http://www.podesta-projekt.de> (Accessed: 4th August 2019).

Щербинин Алексей Игнатьевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Томского государственного университета (Россия).

Aleksey I. Shcherbinin – Tomsk State University (Russia).

E-mail: shai52@mail.ru